Коммерсантъ: "Четвертый этаж. Кинозал"

31 марта в Кемерово прилетел председатель Следственного комитета России (СКР) Александр Бастрыкин. Он обошел сгоревшее здание и был на четвертом этаже "Зимней вишни", где ему не то что рассказали, а показали основную версию пожара. Потом он встретился с родственниками погибших и пропавших без вести детей и их родителей. Весь этот путь проделал в этот день и специальный корреспондент "Ъ" Андрей Колесников и убедился: есть хоть кто-то, кому пока еще верят эти люди.

В субботу в 10 утра на центральной площади Кемерово перед зданием областной администрации у подножия памятника Ленину не было почти никого. 26 марта на митинге сразу несколько выступающих анонсировали новый митинг, этот, субботний, на который в конце концов не пришли люди.

Власти работали над тем, чтобы он не состоялся. Много раз было объявлено, что он несанкционированный, и теперь в разных местах я видел рамки и полицию, то есть на площадь можно было зайти, но вопрос, можно ли было выйти. Люди, идущие мимо, думали, между прочим, именно об этом, и это для них не было шуткой: им предстояло подумать о последствиях этого шага, а вернее, нескольких шагов. И если бы их было так много, что о последствиях можно было бы не думать, потому что всех не перевешают, вернее, не перештрафуют, то сейчас пришлось бы подумать: каждый человек, вошедший через рамку на площадь, казалось, был на вес золота для полиции - с ним можно было начать заниматься.

Поэтому и те, кто все же появился здесь, не переходили без крайней нужды за грань рамки и мирно, а не по законам военного времени беседовали, в том числе и с полицейскими, о том, что нынче очень холодно и что поэтому остальные вряд ли выберутся из домов, но, может, к полудню все-таки подтянутся, но что сами они до этого вряд ли здесь достоят, и не их в этом вина.

Полицейские слушали эти разговоры, по-моему, с завистью: они не были так свободны в выборе гражданской позиции на сегодня.

Вице-губернатор Сергей Цивилев думал собрать пресс-конференцию, чтобы подвести итоги этой адской, нечеловеческой недели, в которой ему была отведена, мягко говоря, не последняя роль, но лучше бы ему, похоже, было сделать, может, через день такую пресс-конференцию или через два. И возможно, в новом качестве. Появились сведения, что его судьба решена, потому что решена наконец судьба самого Амана Тулеева, который так много сделал для

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

области за страшно сказать сколько лет, а еще больше не сделал. И ему, без сомнения, нужно было уходить, и уже сейчас, прямо сейчас, и это был тот случай, когда завтра поздно, но и вчера уже поздно, и вряд ли мог быть и. о. губернатора кто-то из тех, кто с Аманом Тулеевым работал не один год, потому что такой человек считай что и сам уже почти Аман Тулеев, а это никому в области не нужно, то есть совсем никому, пожалуй, что ни одному человеку. Так и выходило, что есть, видимо, только один и. о. - Сергей Цивилев, который вице-губернатором-то работает всего несколько дней. И вопрос был, судя по всему, только в том, когда об этом объявят.

А в 11 часов дня в двух судах, Центрального и Заводского районов города, начинались процессы, которые должны были определить, будут ли арестованы две подозреваемые по делу о пожаре в "Зимней вишне" и станут ли они и обвиняемыми: Юлия Богданова, гендиректор компании-собственника, то есть Кемеровской кондитерской компании, на месте которой и была в свое время построена "Зимняя вишня", а также Танзилия Комкова, бывший начальник Госпожнадзора Кемеровской области.

Юлию Богданову у входа в зал заседаний ждали судебные приставы и полицейские, всего восемь человек. Еще четверо пришли вместе с ней. Она шла, закрывшись от журналистов несвежевыкрашенной белесой челкой, и выглядела несчастной в наручниках на тонких запястьях. И вообще она была вся ломкая и горькая.

Я искал здесь родственников погибших. До сих пор они приходили на все суды. Они не смотрели даже, такое впечатление, на людей в клетках, а ведь по идее должны были их ненавидеть и могли, в отличие от судей в мантиях, прямо сейчас сказать им все, что про них думают. Но они ничего не говорили и только, казалось, искали тут информацию о том, что тогда, 25 марта, было, а особенно - что было до 25 марта и из-за чего все случилось 25-го.

Но сейчас тут не было никого из них, одни только журналисты, прокуроры и адвокаты, то есть те, кого гнала сюда в это что-то уж очень морозное утро профессиональная нужда.

С Юлии Богдановой сняли наручники, но она сидела, сложив руки так, словно они до сих пор были на ней. Она должна была, по версии следствия, осуществлять контроль за эксплуатацией здания, в том числе за соблюдением и исполнением техники пожарной безопасности. Следователь говорил о том, что она преследовала корыстные цели личной наживы, делая многочисленные внутренние перепланировки здания, чтобы разместить в нем как можно больше арендаторов (видимо, у нее к этому был особенный талант, как у сборщиков кубика Рубика). Подчиненные, по словам следователя, неоднократно предупреждали ее о том, что страдает пожбезопасность: они уже успели дать показания как раз по этому поводу. А она была тогда в лучшем случае беспечна.

Следователь предложил в качестве меры пресечения арест до 25 апреля, потому что иначе она

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

может скрыться от правосудия с загранпаспортом. Кроме того, в последние несколько дней у нее были странные встречи (за ней, видимо, следили): в городской администрации, с пожарными и с бухгалтером кондитерской фабрики. Чем дольше говорил следователь, тем ниже склонялась к коленям голова Юлии Богдановой. То ли это давала знать о себе тяжесть вины, то ли она хотела, чтобы все так думали про тяжесть вины.

Тут я заметил в зале женщину средних лет и ее дочь лет 12. Они пришли, по-моему, уже после начала заседания и снимали, можно сказать лихорадочно, все происходящее: мама на планшет, девочка на телефон. Причем мама была более или менее спокойна, а вот девочка, это было видно, просто и в самом деле ненавидела Юлию Богданову: время от времени она подходила к самой клетке, стараясь протиснуться поближе к той меж почти сомкнутых колен приставов, и на лице ее было такое презрение, что я понимал: у нее, скорее всего, в пожаре погибли брат или сестра.

Адвокат предложил забрать у госпожи Богдановой загранпаспорт, чтобы она не могла покинуть Россию, и в связи с этим отпустить ее под домашний арест, но судья ходатайство без объяснений отклонил. Тогда адвокат постарался развенчать версию о том, что Юлия Богданова встречалась с бухгалтером и пожарными из корыстных соображений (может, она была с ними просто так) или даже с целью сговора. А сама Юлия Богданова сказала, что она встречалась, например, с бухгалтером, чтобы пострадавшим были выплачены по три миллиона рублей от собственника (про пожарных - без слов).

А я все думал, что ей сейчас что-то скажет та девочка.

Суд удалился на совещание, и журналисты стали спрашивать Юлию Богданову, что она думает о случившемся, и она сказала, что очень сожалеет, что пожарные не пустили ее внутрь торгового центра, когда она приехала, так как она могла кого-нибудь спасти.

Я спросил ее, признает ли она свою вину.

- Нет, я делала все, - сказала она, и голос ее прерывался, - чтобы гостям было комфортно в "Зимней вишне", и занималась этим изо дня в день.

Тогда я задал следующий вопрос:

- А вы чувствуете себя виновной?

Вопрос был не очень простой, особенно если учитывать ее ответ на мой первый вопрос, и она, мне кажется, не справилась, хоть и долго молчала, обдумывая ситуацию. Потом она произнесла:

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

- Конечно. Я чувствую себя виновной, потому что погибли люди, и это ужасно.

Я подумал, что если она чувствует себя виновной, то почему не признает свою вину? Если чувствуешь себя виновной, тогда прими эту вину. В этом, собственно говоря, и состояло простодушное коварство двух этих вопросов одного за другим, а на самом деле не коварство, а просто желание дождаться от этой дамы какой-нибудь правды.

И я, кажется, дождался. Кто-то сказал, как хорошо для нее, что этих ответов не слышал судья.

И я даже обернулся, когда почувствовал, что на меня смотрит та девочка. Она смотрела, мне кажется, с благодарностью. Девочка, видимо, все понимала. То есть это была все-таки умная девочка.

А Юлия Богданова уже говорила, что думает, это поджог, а на вопрос, кто поджег, отвечала, что, наверное, хулиганы, с которыми у них в "Зимней вишне" были проблемы.

Логика ее была безупречна: версия поджога освобождала ее от ответственности, по крайней мере уголовной.

Ее арестовали.

Через полчаса я был у торгового центра "Зимняя вишня". Возле стихийного мемориала батюшка с кадилом в руках попросил у меня зажигалку. У меня не было, но у фотографа Дмитрия Азарова, конечно, была. Батюшка поблагодарил и поджег кружочек угля на дне кадила. Уголь мгновенно занялся, и я спросил его, только ли на Кузбассе кадило углем топят. Он покачал головой:

- Почему? Везде уголь. Во всем мире. У нас не местный уголь. Из Греции.

Да я и не спорил.

Через минуту он уже молился вместе с теми, кто пришел сюда, и я обратил внимание, что людей тут намного больше, чем было вчера, в пятницу. Это, впрочем, было предсказуемо.

Еще через несколько минут здесь появился долгожданный председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин. Он возложил цветы и не меньше получаса разговаривал с людьми, окружившими его. Она рассказывал, что в группе следователей не меньше ста человек, что они прошли через расследование затонувшей "Булгарии", через взрыв на "Распадской", через резню в Кущевке и через многое другое и всегда добивались успеха.

Он раскритиковал ЧОП, с которым заключала договор Юлия Богданова:

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

- Три человека охраняли такое огромное здание! Не в состоянии были даже кнопку оповещения нажать! Ни работники ТЦ, ни охранники вообще не знали, как действовать в таких ситуациях. И еще вопрос, как действовали сотрудники МЧС.

На мой-то взгляд, это был коренной вопрос этой ужасающей истории.

И Александр Бастрыкин добавил, что, может быть, пожарные зря не слышали родственников, которые говорили с еще живыми людьми во втором кинозале, который оказался ближе всех к очагу возгорания, а пожарные делали все так, как сами считали нужным, по инструкции:

- В Подмосковье, - вспомнил он, - год назад восемь сотрудников МЧС погибли. Их командир останавливал, но они перешли красную линию и пошли спасать людей - и спасли, потому что были уверены, что их еще можно было спасти. На войне как на войне. Они погибли.

Я не ожидал таких слов от Александра Бастрыкина.

И он теперь рассказывал про человека, который не нажал кнопку оповещения:

- Я говорил с ним, и он не мог вразумительно ответить, почему не сделал этого. Он должен был нажать кнопку! Может, в стрессовой ситуации оказался... Может, извините, крыша поехала. Может, ему психиатрическая экспертиза нужна...

Версия поджога, он добавил, не исключается:

- Говорят, какие-то молодые люди подъезжали, вели себя плохо...

Его, как выяснилось, очень интересовал собственник "Зимней вишни", который живет в Австралии:

- Возможно, будем добиваться выдачи его. Мы уже предложили ему приехать, тем более если он считает себя невиновным... Не только деньгами должен отбиться, а объясниться с людьми...

На Западе гораздо строже, он рассказал, относятся к таким собственникам: один за примерно такой же пожар в 70 лет получил срок 67 лет. "И заплатил по пять миллионов долларов каждому из погибших! Вот так нам надо воспитывать наш бизнес! - тут Александр Бастрыкин вздохнул расстроенно. - Но пока он поддается воспитанию трудно".

Он добавил, что может, и надо разбить на месте "Зимней вишни" парк, но пока Следственный комитет не готов его отдать: работы на таких объектах продолжаются и по году, и по полтора.

Когда Александр Бастрыкин уже уходил, журналист одного из федеральных телеканалов

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

догнал его с вопросом, не выйдет ли так, что в очередной раз накажут стрелочников, и этот вопрос сильно раздосадовал главу Следственного комитета. Слово "стрелочники" не давало ему покоя минут пять. Он убеждал, что никогда Следственный комитет не наказывает одних только стрелочников:

- Солидарен с вами, но не согласен! - объяснял он немного бледному уже тележурналисту.

Потом, отговорив все же с журналистами, Александр Бастрыкин со своими подчиненными вошел в здание торгово-развлекательного центра "Зимняя вишня". И я тоже.

И этот шаг было трудно сделать. Я уже столько слышал об этом здании, что, кажется, сам мог на ощупь подняться на тот четвертый этаж. И я это сделал. Нет, не на ощупь. Два лестничных пролета. Сваленные в кучу, не до конца даже обгоревшие кресла прямо на лестнице. Их вытащили из кинозалов. Здесь, на лестнице, не темно: потолок во многих местах рухнул или почти рухнул, а на улице солнце. Но на самом деле тут просто мрак, и все. Здесь так, что хуже, кажется, человеку просто не может быть. И не было в тот день, 25 марта.

Здесь, на первом и втором этажах, никто не пострадал. "Но все двери, ведущие к запасному выходу, были закрыты... Их изъяли сейчас... Вот, видите, этот проем ведет на четвертый этаж", - говорил следователь-криминалист.

И мы подходим к этому проему, и я стою перед ним с той стороны, на которой так мечтали оказаться столько людей тогда. И все они остались с другой стороны. Все - у этого проема. Дверь была закрыта.

- 16 человек легли перед ней, - говорит криминалист.

Почти все - дети. Гарью здесь не пахнет, хотя все обгорело, конечно. Почему-то не пахнет. Дверь была закрыта на два замка. Ее невозможно было взломать. Только, может, с той стороны, где стоял сейчас я. Какой-то специальной техникой, которой не было, потому что с ней никто не пришел сюда. Сюда вообще никто не пришел с моей стороны. А с той были 16 человек. И не дошли до нее, выбравшись из двух кинозалов, еще несколько детей. И криминалист показывает, где они упали, все сразу и вместе, и больше не встали:

- Это еще одна локация была.

- В том числе тут остался отец Сережи Москаленко, который вот отсюда выкинул своего пацана, - говорит криминалист.

И я даже не понимаю, как это потом можно будет снести. Это же могила. И их дом.

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

Криминалист показывает первый кинозал:

- Отсюда все спаслись, слава богу.

И я вижу, что и он не выгорел полностью. Да как же тут могла быть температура 600-700 градусов? Да как же сюда невозможно было войти?

- В общем, всего в этом коридоре остались 23 человека, - говорит криминалист, и мы идем к другому кинозалу, из которого ведь тоже спаслись люди.

- Двери-то были открыты, - произносит криминалист, - девушка-контролер их распахнула, и они выскочили. А сюда, в этот кинозал, она только заглянула, крикнула, что пожар, и побежала открывать еще одну дверь.

Я вижу малый кинозал, который принято называть залом №2. В нем остались 37 человек, и спасли потом только папу двух девочек, Михаила Трусова, про которого много рассказывали в эти дни. Обожженный, но ведь тоже не до конца сгоревший потолок почти рухнул на бетонные ряды. Не везде обожженные стены, кривой пол, уходящий куда-то, кажется, чуть не на третий этаж. 36 человек, смотревших тут мультик, заткнувших все щели от дыма, ждали здесь спасателей, потому что среди них были люди, которые знали, что именно в этом состоит инструкция, ибо спасатели не могут не прийти, и для того и пишется инструкция эта, что обязательно придут, а все остальное - смерть.

Но оказалось, что смертью стало именно ожидание спасателей.

Никто из нас, десяти или пятнадцати человек, которые сейчас пришли сюда, так и не переступил, по-моему, порог этого кинозала. Никто не смог, и не нужно было этого делать. Здесь виновным чувствуешь только себя.

Все 36 - между первым рядом и экраном. Они держались друг друга.

- Пройдемте в кинобар, - сказал нам криминалист.

Отсюда, из кинобара, многие успели убежать, но некоторые повернули к запасному выходу на четвертом этаже, к двери с двумя замками.

- И вот батутный центр, - показал криминалист. - Между рядами колонн. Здесь, у стены, была ванна с кубиками... Батут двойной...

Один следователь показал на провода, пучком свисающие сверху, и сказал, что, возможно, из-за этого все и произошло.

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

- По сути, открытые кабели шли транзитом через весь батутный центр к кинобару, - сказал он Александру Бастрыкину. - Искры падают с такой высоты, что не успевают остыть. Возможно, искры посыпались на кубики... Возможно, это был какой-то концевой провод.

Я видел этот провод, вернее, пучок кабелей, который свисал сейчас с потолка на высоту примерно с метр от пола.

- Я видел на видео вспышку, - произнес Александр Бастрыкин. - Я столько раз пересматривал этот кадр... Это здесь было? У стены?

- Видимо, да, - согласился следователь. - Но это рабочая версия.

- Конечно, - кивнул глава СКР. - А версия поджога?

- Рассматривается, конечно, - сказал следователь. - Но подтверждений никаких нет.

- А третья есть? - спросил глава СКР.

- Никак нет.

- Вы хоть понимаете, - в каком-то бешенстве спросил только что вроде слишком даже тихий глава СКР, - что над детским центром болтается какая-то фигня?!! Присутствие женщины (он взглянул на своего пресс-секретаря Светлану Петренко, стоявшую рядом с ним. - А. К.) не позволяет выразиться более четко! На ровном месте! Даже на даче такое сразу закручиваешь!

- Мы понимаем, - сказал следователь.

Самое главное было пройти опять через эти залы, чтобы вернуться к проему четвертого этажа на лестницу. Мы прошли. Двери не было.

В это время в следственном управлении по Кемеровской области, в актовом зале сидели и ждали Александра Бастрыкина человек 70. Это были родственники погибших и пропавших без вести. Последним, когда в здании уже был глава СКР, в зал зашел Игорь Востриков и многообещающе встал в коридоре у стены.

Александр Бастрыкин предложил почтить память погибших минутой молчания, сказал, что трагедии, это совершенно очевидно, можно было избежать. Генерал Габдулин доложил, что "установлены 59 трупов, опознаны (и похоронены. - "Ъ") 23 человека". Он рассказал, как установили, что человек, который подходил к батуту очень незадолго до пожара и подозревался как террорист, оказался сотрудником ТЦ. "На одной из видеозаписей увидели, - сообщил генерал, - что он подошел и поздоровался с инструктором центра кулак в кулак и

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

вскоре ушел..." Здание сейчас признано вещественным доказательством. "После завершения всех процедур будет понятно, что с ним делать". Версия короткого замыкания является приоритетной по отношению к поджогу.

В зале было полное молчание. Каждое слово людей с микрофоном было для них на вес жизни и смерти. Их детей.

- Мы за неделю, - сказал им Александр Бастрыкин, - арестовали семь человек. Вернее, шесть плюс одного (видимо, не до конца еще. - А. К.). Нас спрашивают, предел это или нет. Я не знаю. Мы сейчас приступаем ко второму этапу следствия - собираем документацию. Проведем правовую экспертизу регламентов, что делаем редко или, вернее, почти не делаем. Но тут, я вижу, это необходимо. ТЦ ни разу не подвергался проверкам! Зашли было в 2016 году, но проверка не состоялась по ряду причин, о которых я сейчас не хочу говорить, потому что это не проверено. А вообще эта кондитерская фабрика могла быть использована под ТЦ? - спрашивал Александр Бастрыкин. - Это строение 60-х годов! Может быть, ее надо было снести?! Мы же зашли - ну явно здание подвергалось только косметическому ремонту!..

Результаты его, собственно говоря, и выгорели полностью.

- И подвергаясь статусу малого предприятия, здание не подвергалось проверкам! Висят провода! - рассказывал людям глава СКР, и я видел, как Игорь Востриков налаживает мобильный телефон, собираясь, судя по всему, вести прямую трансляцию с этой встречи.

Я подумал, что он далеко продвинулся, только позавчера зарегистрировавшись в инстаграме.

- Провода висят! - продолжил Александр Бастрыкин. - Вот мы же только что там были! Почему в таком безобразном состоянии находились коммуникации, проводящие электрический ток?!

Вряд ли эти люди могли ответить ему на этот вопрос.

Да и не им он его задавал.

- Почему на четвертом этаже, где играют дети, болтаются провода?! Не исключено, что, когда посыпались искры, они попадали прямо на кубики! Их же делали из самых дешевых китайских материалов! А если бы искры упали в бассейн не китайского производства, а, как мне тут рассказывали специалисты, американского, например?! Может быть, такого не произошло бы?

Он им сказал, что они должны быть морально готовы к тому, что "расследование займет восемь, девять месяцев, а может быть, и год! Пока у нас, тьфу-тьфу-тьфу, ошибок не было и процессы мы выигрывали, но к ним надо готовиться! И я хочу, чтобы вы нам доверяли! Мы не

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

подчиняемся ни МВД, ни ФСБ, только закону и президенту!" (тут, впрочем, уже могло содержаться некоторое неспокойное противоречие. - А. К.).

- Могу я получить документ, по которому я могу считаться пострадавшей? - казалось, спокойно спросила Александра Бастрыкина молодая женщина. - У меня нет ничего, даже свидетельства о смерти!

- Надо ускорить процесс признания людей потерпевшими, - кивнул глава СКР подчиненным.

Как у них все быстро, успел подумать я. Что же раньше не сделали? Но тут, конечно, обнаружились сложности.

- А сроки? - спросила эта женщина. - И к кому я могу обратиться?

- Вас допросили? - переспросил Александр Бастрыкин. - И документы все равно не предоставили?

Она подтвердила.

- Может, ваша проблема в идентификации? - вдруг спросил он.

Она и это подтвердила.

- Опознан? - он не спросил, кто именно.

- Нет еще.

- Ну вот, процесс будет завершен, нам обещают, в 21 день в Москве. И не стоит торопиться.

- Да, - подтвердил кто-то из генералов. - А то были случаи, когда сгоряча не тех выдавали. А потом начиналась эксгумация...

- У многих такая ситуация, - возразила женщина. - А статус потерпевшего у всех есть.

- У нас есть! - воскликнул кто-то из зала, начиная машинально тянуть руку. - И у нас!

- Обратитесь в наше управление, - сказал другой генерал. - И сразу все решим.

- Мне этого не говорили, - возразила женщина. - Мне сказали, что сразу позвонят. И никто не позвонил.

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

- Сегодня устраним этот недостаток! - пообещал Александр Бастрыкин.

- Я своих уже похоронил, - встал немолодой мужчина. - Маму, сына и дочь.

Женщина рядом со мной глядела на него как на счастливчика.

- Они не были обгоревшими! И скажите, где план эвакуации был? Где респираторы у спасателей? Где был МЧС? Ни одного человека не видел в респираторе!

- Мои тоже были в тех 23 человеках! - крикнула еще одна женщина. - Все выходы были закрыты! МЧС не помогло. А могли!!!

Теперь они вдруг кричали все сразу. Весь зал. Просто весь. Это было даже страшно. Ничего было не разобрать, но я пытался: "Они не пускали близких помочь детям!" "МЧС будет привлекаться?!"

Один из них наконец перекричал остальных:

- Давайте я правильно спрошу! Будут ли ваши действия направлены на изучение действий по ликвидации последствий пожара?

Видно было, что Александр Бастрыкин не ожидал такого. К МЧС, к пожарным тут было особое отношение. Люди мгновенно приходили в ярость и так же мгновенно успокаивались. И вообще-то вели себя очень достойно. Они просто хотели знать и имели на это право. Не было никаких истерик, ничего такого из того, на что они на самом деле имели полное право. Это и был сейчас Кузбасс. В другом месте все было бы по-другому.

- Мы обсуждали вопрос с министром МЧС, - сказал Александр Бастрыкин. - Назначена организационно-техническая экспертиза. Если халатность была, у нее есть факты!

- Родитель одного ребенка спас, тянул за руку эмчеэсника, говорил, что в кинозале есть еще дети... - сказала еще одна женщина. - А они говорят: "Там открытый огонь, не пойдем..."

Я увидел, что Игорь Востриков начал наконец, кажется, транслировать прямой эфир в инстаграм. Но через несколько секунд что-то у него разладилось, все-таки новичок он был.

- Они говорили, что им не хватит одного баллона, чтобы дойти и вернуться! - крикнул один мужчина. - А я им говорил, чтобы они взяли еще два или три... А они молчали...

Все это люди говорили, наверное, много раз всем генералам и полковникам. И будут говорить и говорить. Для них то, что было, не прошлое. Это будущее. Они с этим будут жить. И может,

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

больше ни с чем.

- Такое впечатление, что не было адекватной оценки опасности возгорания, - негромко сказал Александр Бастрыкин одному из своих подчиненных. - Надо четко обозначить тематику, по которой люди дадут конкретные показания...

- Мы доехали из Ленинского района до "Зимней вишни" за две минуты, - встала женщина. - Стояли две машины. Мы обежали ее. Детей нет! И видим, один лениво разматывает рукав, рассматривает свой противогаз! Муж бросился к ним, хотел помочь, его грубо оттолкнули...

- Несколько лет наше подразделение МЧС было одним из лучших в стране... - говорила уже другая женщина. - Приезжал Сергей Кужугетович, поздравлял нас... И что случилось? Экипировка совсем никакая... А как они развернули штаб? На школьном принтере не могли распечатать наши заявления... Чтобы сделать кардиограмму, клали людей на стулья...

- Требую поминутно зафиксировать деятельность МЧС! - Игорь Востриков начал читать по бумажке. - Мне написали умные люди... Ой, сбился... Что-то тут непонятное... Теперь тогда своими мыслями... Это не халатность! Это скотство просто! Детей не могут найти! Если бы МЧС действовал по-другому, мы их хотя бы похоронили, и все было бы хорошо! А теперь что? Я понимаю: они пепел!

- Ваших детей идентифицировали? - спросил Александр Бастрыкин.

- Нет еще, - буркнул Игорь Востриков.

- Мы вас бережем. Ответ будет тяжелый. Если хотите, чтобы я ответил, я отвечу.

Зал простонал:

- Хоти-и-м!

- Вы понимаете, что это части тел?

- Да понимаем! Это мы давно понимаем...

Они хотели какого-то другого ответа. Наверное, они хотели, чтобы им сказали, где, в конце концов, их дети. Правда, что превратились в пепел? И почему они не вышли из второго кинозала, просто открыв еще раз ту же самую дверь?..

- Готовьтесь услышать страшное, - продолжал Александр Бастрыкин. - Они там в хаотическом состоянии...

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

- Это понятно... - отчетливо сказал кто-то.

- Да пожар сам догорел, - произнес Игорь Востриков. - Я прибыл в 10 часов. Там еще все полыхало!

- Мы изъяли все документы, - сказал глава МЧС. - Там был дневник тушения пожара. Да, они сработали, может быть, мягко говоря... Проведем экспертизу и дадим оценку. Обязательно дадим оценку. Да, с оборудованием приехали не с тем... Сотрудников было мало...

- Мы детей поцеловать не сможем! - крикнул кто-то из последнего ряда.

- Не будем терять надежду, - сказал ему глава СКР. - У нас были разные случаи идентификации. Соберем все, что можно... Что можно, то можно... Извините, что я это говорю. Я знаю, что причиняю вам боль...

Но это на самом деле именно то, что они хотели наконец услышать. И боли он им, кажется, не причинял сейчас.

- А никого не интересует, что с билетершей? - спросил еще один мужчина из задних рядов. - Почему ее нет под стражей? Почему она первый зал открыла, а второй не открыла?

- Достоверно известно, что она двери не закрывала, - уже, по-моему, устало сказал полковник Следственного комитета.

- Да мы с дочерью разговаривали! - закричал этот человек. - Она говорила, что двери закрыты!

- Видеокамеру восстановили, - перебил его Игорь Востриков. - Я видел: аварийные двери были заперты, двери в кинозалы были не заперты!

- Я вчера в 10 вечера был у штаба... - произнес мужчина. - Имеются новые списки. Кто-то - безвестно исчезнувшие. У других напротив фамилии написано: требуется экспертиза... Мы кто: безвестно исчезнувшие, пропавшие без вести или нам требуется экспертиза?

- Назовите фамилию! - сказал новый полковник.

Из разных углов зала раздались сразу четыре фамилии.

Через пару минут полковник читал им вслух списки.

- Сначала тех, кто идентифицирован... 23 человека...

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

В абсолютной тишине он зачитал сразу несколько списков. Это была очень страшная тишина. Она до сих пор звенит у меня в ушах.

- И у нас еще один человек под вопросом, - сказал полковник. - Слишком фрагментирован...Фамилия его... Как же... 49 фрагментов... Может, это и не один человек...

- Ананьев он. Ананьев, - поднялся мужчина из четвертого ряда.

Фамилия поднявшегося была Ананьев.

- Да, ему генетику назначили... - согласился полковник.

- Я трех детей потерял, - сказал Ананьев. - Я согласен, что короткое замыкание. Я сам профессионал, прошу рассмотреть еще одну версию. Замыкание могло быть под батутом. Там раньше была железная дорога. Потом ее демонтировали. А там кабель с крупным сечением. Его оставили и подвернули под трубу... Потом кто-то прыгнул на эту трубу... Я думаю, так могло быть...

Все затихли. Этого никто еще, по-моему, не слышал.

- И еще одно, - продолжал Ананьев. - Я профессиональный электрик. Во втором кинозале погиб наш сотрудник, системный оператор. Мы обучаем своих людей действовать при пожаре. Если невозможно выбежать, надо закрыть все щели и так ждать помощи. Я считаю, наш Сидоров и руководил людьми. Он профессионал. Он каждый год проходит экзамен на пожарную безопасность.

Я подумал, что, может, конечно, и Сидоров. Может, и он, а не Трусов. Кто-то действовал так, как было нужно, и всех убедил так действовать. Поэтому все погибли.

Кто-то встал и начал одеваться.

- История знает случаи, - говорил им Александр Бастрыкин, - когда корабли тонули, а потом все восстанавливали, как было, и останки находили... Там капитан был, там второй помощник...

Его слушали, между прочим, с интересом. Ему даже, кажется, доверяли, и это было больше, чем то, на что он мог рассчитывать. Они все-таки уже два с половиной часа говорили.

- И я вот что еще думаю, - произнес Александр Бастрыкин. - Если вот "Артеку", например, не верить, то кому верить? Так что давайте хотя бы воспользуемся предложением директора "Артека". Они готовы принять по 30-40 человек в разные смены...

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации

- Кого мы отправим? - устало переспросила женщина из первого ряда. - Они же все погибли.

- Я про живых, - сказал он. - Братья, сестры у них же есть. Подумайте о них. Им нужно.

Она не ответила. Потом, когда все стали расходиться, она все же подошла к нему.

02 Апреля 2018

© 2007-2018 Следственный комитет Российской Федерации